

Ань Чанцин с замешательством оглядел его, не понимая, в какую такую сторону им «по пути». Гора Цинъюнь находилась к югу от городских ворот, а военный лагерь — к северу. Они никак не могли быть по дороге. Однако Сяо Чжигэ сидел прямой как струна, а выражение его лица не терпело возражений. Подумав, что у князя, должно быть, есть свои дела, Ань Чанцин расспрашивать не стал.

Вскоре Ань Фу приготовил экипаж, и Ань Чанцин с Сяо Чжигэ вместе вышли на улицу.

Сяо Чжигэ мельком взглянул на экипаж, еле заметно поджал губы и посмотрел на Ань Чанцина:

— Поедешь верхом?

Ань Чанцин моргнул, перевел взгляд на единственного коня под седлом Сяо Чжигэ и внезапно понял его намек. Досадливо вспыхнув от смущения, он зло посмотрел на него:

— Я поеду в карете!

Сказав это, он ступил на подножку и забрался в экипаж.

Он все еще прекрасно помнил ту давнюю обиду, когда после их совместной поездки на одном коне в поместье внезапно появилось немереное количество бульварных книжонок! Ему совсем не хотелось снова становиться объектом всеобщего любопытства.

Уголки губ одиноко сидевшего на коне князя слегка опустились, и он с бесстрастным лицом поехал рядом с экипажем.

Карета катилась по тракту, выехала за городские ворота и двигалась вперед. Но стоило им повернуть налево, на юг, как на дороге впереди неожиданно выбежала толпа людей. Возглавлял этот бег худой и высокий юноша, за которым гналась группа мужчин, одетых как крестьяне. Вооружившись палками и мотыгами, они яростно ругались и кричали.

Юноша уже выбился из сил. Споткнувшись, он сделал пару шагов и рухнул на обочину, а преследователи мгновенно обступили его толпой и принялись жестоко избивать ногами и руками.

Видя, что парня вот-вот забьют насмерть, Сяо Чжигэ пустил коня вперед и свирепо окликнул их:

— Остановитесь!

Крестьяне, увидав его свирепый вид, инстинктивно трусили. К тому же юноша неподвижно лежал на земле, и, испугавшись, как бы их не втянули в дело об убийстве, они выкрикнули: «Он вор!» — и гурьбой разбежались.

Сяо Чжигэ не стал их преследовать. Он с высоты своего коня оглядел юношу, снял с пояса флягу с водой и мазь от ран, бросил их парню, после чего развернул коня и ответил кучеру:

— Трогай.

— Неужели мы так и оставим его лежать здесь? — спросил Ань Чанцин, отдернув занавеску кареты.

— Не умрет, — ответил Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин с сомнением посмотрел на лежавшего ничком юношу: его израненные руки и ноги были покрыты ссадинами и обморожениями. Пока Ань Чанцин колебался, экипаж снова тронулся. Глядя в окно, он увидел, как юноша изо всех сил пытается подняться, тихо шепча: «Мама...»

Его сердце сжалось от жалости. Он велел кучеру остановить экипаж и повернулся к Сяо Чжигэ:

— Может... давай возьмем его с собой?

— Он ведь еще совсем ребенок... — сбивчиво проговорил Ань Чанцин. — Хотя бы отвезем его к лекарю.

Увидев, как тот хмурит брови и судорожно подбирает слова, словно боясь отказа, Сяо Чжигэ невольно смягчил свой суровый вид и велел Чжао Ши:

— Привези его сюда.

Чжао Ши бросил на него взгляд, затем посмотрел на расцветшего от радости Ань Чанцина и подумал: военный лекарь Ху не соврал — князь теперь слушается только ванфэй. Разве раньше князь хоть когда-нибудь вмешивался в чужие дела?

Чжао Ши принес юношу на спине. Увидев, что тот дрожит от холода, Ань Чанцин велел уложить его в экипаж и отдал ему свою грелку. В округе не было ни деревни, ни постоянного двора, ни лекаря, поэтому Ань Чанцин решил отвезти его в свою усадьбу у подножия горы Цинъюнь.

В усадьбе как раз жил деревенский лекарь. Ань Чанцин велел Чжао Ши сперва отвести юношу к нему, а сам отправился осмотреть владения.

Сяо Чжигэ вышел вместе с ним, однако сел на коня, собираясь уезжать.

— Князь, вы куда-то собираетесь? — удивился Ань Чанцин.

— В военный лагерь, — ответил Сяо Чжигэ.

Ань Чанцин лишь спустя некоторое время догадался, что тот поехал с ним исключительно для того, чтобы сопроводить его. На душе у него потеплело, хотя он не удержался от тихого ворчания:

— Мотается туда-сюда, будто делать больше нечего...

Сяо Чжигэ не расслышал его бубнения, лишь кивнул и сказал:

— Заеду за тобой вечером, — после чего пустил коня вскачь.

Ань Чанцин обошел всю усадьбу и остался очень доволен увиденным, решив по возвращении подписать купчую. Завершив дела, он вспомнил о спасенном юноше, расспросил управляющего о доме лекаря и отправился туда.

Чжао Ши дежурил у дверей. Увидев Ань Чанцина, он доложил:

— Лекарь уже осмотрел его. Ничего страшного, лишь поверхностные раны.

Ань Чанцин кивнул и толкнул дверь. Юноша сидел на краю кровати и пил лекарство. На нем была чужая одежда — должно быть, хозяина дома, — заметно ему великая. Лицо его отмыли. Заметив вошедшего Ань Чанцина, он торопливо опустился на колени и забил челом:

— Благодарю вас, благодетель! Я навек запомню ваше милосердие!

Хотя юноша старался подражать местной речи, Ань Чанцин все же уловил: произношение у него не ецзинское.

Вспомнив смутно знакомые черты лица, Ань Чанцин поднял его с колен и, пристально разглядывая, осторожно спросил:

— Как тебя зовут?

— Чжоу Хэлань, — юноша поднял голову. На его юном лице выделялись высокий переносник и глубоко посаженные глаза — во внешности явственно проступали чужеземные черты.

Не ожидая, что это действительно окажется он, Ань Чанцин остолбенел и долго не мог прийти в себя.

Чжоу Хэлань, государственный наставник Юйцзэ. В прошлой жизни Ань Чанцин встретил его лишь однажды — на безымянном кладбище, где покоились останки Сяо Чжигэ.

Тогда Сяо Чжигэ был уже мертв, а сам Ань Чанцин блуждал по тому кладбищу, потеряв счет дням. В один из дней туда пришли двое, и первым из них был Чжоу Хэлань.

Чжоу Хэлань был облачен во все черное, выражение его лица было суровым, но он принес с собой кувшин вина, чтобы почтить память усопшего.

— Он пришел почтить память Сяо Чжигэ.

Сяо Чжигэ всю жизнь провел в военных походах, от него не осталось целого тела, а при жизни и после смерти его имя сопровождали лишь проклятия. Ань Чанцин впервые видел, чтобы кто-то пришел на его могилу. Он запомнил облик Чжоу Хэланя, а затем последовал за ним в Ецзин и лишь тогда узнал, сколько всего произошло после гибели Сяо Чжигэ.

Например, бывший наследный принц Сяо Циань, пробыв на престоле едва ли месяц, был отравлен. Два великих генерала Чжуго из-за собственных амбиций вступили в междоусобицу, и едва успевшая стабилизироваться обстановка снова разрушилась. Соседнее государство Юйцзэ воспользовалось случаем и двинуло войска на север. Не встречая серьезного сопротивления, они стремительным маршем захватили столицу Ецзин.

Правитель Юйцзэ, Юйцзэ-ван Хуай Жужуй, провозгласил себя императором в Ецзине и возвел Чжоу Хэланя в сан государственного наставника.

Примечание автора:

#Бульварный романчик#

Трус: Появились новые книжонки! Пока Но-но нет дома, надо скорее бежать и купить.

Чжоу Хэлань поднялся с самых низов. Хотя позже его возвели в ранг государственного

наставника, в прошлом его жестко осуждали из-за происхождения, ведь его родной матерью была представительница народа сицянцев.

В нынешние времена империи Да Е, Юйцзэ и Сицян образовали тройственную систему сил, однако столетие назад все три государства восходили к единому истоку, выделившись из распавшегося царства Вэй.

После падения царства Вэй восемь великих генералов Чжугу подняли войска и объявили о своей независимости. Долгое время шла междоусобная война, пока наконец глава генералов Чжугу, Сяо Яньхун, не был возведен пятью другими генералами на престол. Он сделал Ецзин столицей и провозгласил себя императором — так появился Тай-цзу империи Е.

Двое других генералов Чжугу, Сюэ Чан и Хуай Шуань, отказались признавать Тай-цзу императором, подняли мятеж против Да Е и провозгласили себя правителями. Сюэ Чан объединился с кочевыми сицянцами, объявил себя правителем в Цзайго и создал государство Сицян. Хуай Шуань же воцарился на своих землях в Фуляне, основав Юйцзэ.

С тех пор прошло более сотни лет. Царства Вэй больше не существовало, а Да Е, Юйцзэ и Сицян раскололись на три независимых государства.

Мать Чжоу Хэланя была из сицянцев. Когда Сюэ Чан стал правителем в Цзайго, он разорвал союзный договор с сицянцами и применил жесткие репрессии. Хотя государство по-прежнему называлось Сицян, положение самих сицянцев стало невероятно низким: их считали бесправной чернью и продавали, словно скот.

Дети же вроде Чжоу Хэланя — рожденные женщинами-сицянками от неизвестных отцов — находились на самом дне этого бесправного общества, и любой мог безнаказанно глумиться над ними.

В прошлой жизни Ань Чанцин знал лишь о том, что Чжоу Хэланя долгое время презирали из-за происхождения, пока Юйцзэ-ван, преодолев все возражения, не приблизил его к себе. И тот действительно оказался благодарен: в качестве военного советника он разработал план для Юйцзэ-вана, в нужный момент двинул войска на север, хитростью убил двух великих генералов Чжугу, подавил бунты скитальцев-беженцев, захватил Ецзин и помог Юйцзэ-вану взойти на престол.

Он и не подозревал, что в это самое время Чжоу Хэлань находился в Ецзине! К тому же совпадение вышло невероятным: Ань Чанцин сам спас его. Вспомнив, как в прошлой жизни Чжоу Хэлань специально приходил на безымянное кладбище и говорил, что Сяо Чжигэ некогда оказал ему благодеяние, Ань Чанцин понял, что речь шла именно о сегодняшних событиях.

В прошлой жизни Сяо Чжигэ, вероятно, поступком наподобие сегодняшнего спугнул крестьян и оставил ему спасительную воду с лекарством. Вот только в этой жизни появился такой переменный фактор, как Ань Чанцин, который неожиданно забрал парня с собой.

Ань Чанцин с блеском в глазах посмотрел на него, подумав, что это, возможно, шанс изменить абсолютно все.

Все события прошлой жизни наглядно доказывали: Чжоу Хэлань умеет помнить добро и обладает редким гением государственного мужа. То, что Юйцзэ впоследствии смогло поглотить Да Е, наполовину объяснялось внутренними смутами Да Е, а на вторую половину — заслугой Чжоу Хэланя.

<http://bllate.org/book/18381/1767611>